

ЗРЕЛОСТЬ ХУДОЖНИКА

нием, как в этом прифронтовом лесу, перед бойцами морской пехоты, которым поручено оборону держат на том берегу. Читал я им, помнится, рассказ Довженко «Воля к жизни» — о солдате, победившем смерть, Шолохова, симоновские стихи... Устал уже, да и ребятам до боя отдохнуть надо, а они не отпускают: «Еще, братишка, что-нибудь давай, еще!» А потом на память бескозырку подарили. До сих пор храню ее — самую дорогую зрительскую благодарность...

Я слушаю Ивана Федоровича не перебивая, гляжу на его щедро тронутые сединами глаза — то строгие, задумчивые, то теплеющие, искрящиеся улыбкой, — и не жалею, что беседа пошла по привычному, казалось бы, руслу.

Да, за плечами у него большая и нелегкая жизнь, из которой четверть века отдано сцене, творческим исканиям.

Сын рабочего, он едва ли всерьез думал о театре, когда выступал в первых любительских концертах. Днем — стройка, вечером — спектакль, где кружковцам приходилось быть одновременно и артистами, и постановщиками, и декораторами, и костюмерами. А за окнами молодежного клуба — быстро растущие корпуса индустриального Ярославля. Кипучие, незабываемые годы!

Трудно гадать, как сложилась бы дальше судьба слесаря-монтажника Ивана Аристархова, если бы не

встретился ему человек, влюбленный в искусство, — режиссер Василий Васильевич Беляев. Формируя труппу агитационного театра «Стройка», он пригласил и комсомольца Аристархова.

Это было в 1931 году.

— Так стал я актером-профессионалом. И, видите, не каюсь, — шутит Иван Федорович.

Война застала Аристархова за работой над ролью Фернандо из трагедии Лермонтова «Испанцы». Артисту понравился герой — смелый и чистый юноша, восставший против зла и насилия. Ивану Федоровичу хотелось дать новую, своеобразную трактовку классического образа.

Но мирную жизнь сменили суровые фронтовые будни, а профессию драматического актера — опасные задания разведчика. Лишь в 1945 году вернулся Аристархов на сцену.

Последние пятнадцать лет — он в коллективе театра имени Ф. Г. Волкова. И, может быть, именно здесь, за эти годы особенно ярко и полно раскрылось его дарование. Аристархов — актер широкого диапазона, завидного художественного темперамента. Достаточно сказать, что им успешно воплощены такие диаметрально противоположные характеры, как Иван Шуйский («Царь Федор Иоаннович») и Чуфаров («Барабанщица»), Быков («Это было...») и Порываев («Огненный мост»), Башкин («Егор Булычев») и Кондратенко («Порт-Артур»), Ильин («Пять вечеров») и Герасим («Вечный источник»).

...Вот появляется он на сцене — хозяин сцен, с затанцованной хитринкой, немного чудаковатый Герасим Герасимович — и шаг за шагом, штрих за штрихом лепит артист колоритный образ «среднего крестьянина». Как тянется Герасим к земле, мечтая видеть ее цветущей, урожайной, с полями без конца и края, и как трудно, боязно ему переступить между крохотного, но своего, собственного надела!

И недавняя сценическая работа Аристархова тоже снискала заслуженную похвалу зрителей. «Бесспорной творческой удачей артиста И. Аристархова, — пишет, например, учительница Г. Воробьева, — является небольшая роль Абиляды. Тонко и убедительно показано «прозрение» этого человека, перелом в его психологии». Такого же мнения и токарь моторного завода, член бригады коммунистического труда М. Кондратьев, и все, кто видел спектакль «Третья патетическая».

К слову, роль, о которой идет речь, двухсотая по счету в репертуаре талантливой актера, но это далеко не итог. Иван Федорович полон замыслов.

— Мечтаю сыграть Ивана Грозного, — говорит он. — Давно влечет меня эта натура, противоречивая, трагическая. А еще наше думаю о современнике. Ведь какие нудеса творят вокруг советские люди! И хочется, чтобы герой мой был податлив им — цельным, страстным, одухотворенным, беззаветно преданным коммунизму.

Завершая творческий портрет Аристархова, следует упомянуть и о давнем пристрастии артиста к художественному слову. Не один год выступает он в качестве чтеца и горячего пропагандиста Некрасова, Маяковского, Шолохова в рабочих и сельских клубах, красных уголках, библиотеках, а то и прямо в цехе, на поле во время обеденного перерыва — всюду, где его ждут слушатели.

Пятидесятилетие — не первый рубеж в жизни человека. И если выделить главное, определяющее, с чем подошел к нему Иван Федорович Аристархов, то это — зрелость художника, пора, когда в органическом единстве претворяют талант, мастерство и житейская мудрость.

В. РЫМАШЕВСКИЙ.

На снимке: артист театра имени Ф. Г. Волкова И. Ф. Аристархов.

НЕ знаю, как вышло, но беседа началась той довольно-таки стереотипной фразой, которую мне больше всего не хотелось произносить:

— Расскажите, пожалуйста, о своей самой интересной роли.

Иван Федорович Аристархов, знаменитый яросланец по многим спектаклям театра имени Ф. Г. Волкова, отвечает не сразу и, как-то неожиданно, вопросом на вопрос:

— А вам не доводилось бывать на левобережье Волги под Сталинградом?

— Нет.

— Лес там, километрах в пяти от переправы. Овраг и лес. Чудом уцелел: тогда, в сорок втором, все горело вокруг. Так вот, нигде, пожалуй, не выступал я с таким волне-

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ

Ярославль

9 ДЕК 1959